

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9 — 16 августа 1960

ТОМ III
ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ X, XI, XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

нов; колоритом, с его контрастным противопоставлением цветов; характером ландшафта, где кривые стволы деревьев с багровеющей листвой словно сгибаемы вихрем, который гонит по небу распластанные облачка; наконец сложными позициями фигур в их почти винтообразных поворотах, в замысловатом, разнонаправленном расположении. Напряженный ритм и драматический строй композиции придают миниатюрам к «Зафар-наме» почти барочный характер и характеризуют их создателя как могучего мастера, не удовлетворившегося разработанными ранее канонами, но двигавшегося каким-то своим, новаторским путем. По-видимому, раннему периоду его творчества принадлежат и стилистически очень сходные миниатюры «Шах-наме» 1593 г. (Берлин, Государственная библиотека). Не случайно, очевидно, расцвет его творчества связан с Самаркандом, столицей удела узбекского эмира Ялангтуша Бахадура, при котором в годы создания списка «Зафар-наме» велось строительство величественных медресе на самаркандском Регистане.

Приведенный выше, даже самый лаконичный (отнюдь не полный), разбор миниатюр и творчества отдельных мастеров наглядно подкрепляет положение о существовании в Средней Азии в XVI—XVII вв. выдающейся школы миниатюрной живописи, которой были присущи черты большого художественного своеобразия. Провидение В. В. Стасова ныне получает блестящее подкрепление.

Считаем уместным обратиться в концовке своего доклада к оценке бухарской миниатюры XVI в., изложенной в классическом труде А. Сакисьяна: «Искусство миниатюры в Трансоксиане оказалось пересаженным на малоблагоприятную почву, где оно совершенно не эволюционировало и имело лишь кратковременный расцвет... Миниатюра вымерла в Бухаре к концу столетия, и Трансоксиана вновь осталась чуждой этому искусству».

Прямой антитезой этой оценке будут звучать наши выводы. Искусство миниатюрной живописи имело в Средней Азии прочные местные корни. При несомненной взаимосвязи с художественной традицией Герата и приезде отсюда в начале XVI в. ряда мастеров искусство это характеризует длительный собственный путь творческого развития; в XVI столетии здесь имелись самые благоприятные условия для его расцвета, причем оно было присуще не для одной лишь столичной Бухары, но развивалось и в иных городских центрах Туркестана. Искусство это шло по линии поступательного развития, по пути формирования индивидуальных художественных манер и разнообразия жанров. И, наконец, оно не погибло в конце столетия, но было преемственно развито и продвинуто в блестящем творчестве мастеров первой половины XVII в.

До доклада выступили С. В. Иванов, Б. В. Веймарн, А. Х. Маргулан, Б. Сулейманов.

Произошла оживленная дискуссия по вопросу о времени возникновения среднеазиатской школы миниатюристов.

С. И. ИВАНОВ (Ленинград) и Е. И. МАХОВА (Москва): ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КИРГИЗСКОГО НАРОДА

В русской литературе дореволюционного времени работ по декоративно-прикладному искусству киргизов почти не было. Исключение

составляет работа А. Фелькерзама¹, характеризующая ковровые изделия Средней Азии, в том числе и киргизские. В западноевропейской литературе начала XX в. некоторые вопросы, связанные с киргизским орнаментом, нашли свое отражение в статье Г. Алмаши².

В начале XX в. русским художником-этнографом С. М. Дудиным были собраны для Государственного русского музея первые коллекции по народному искусству Киргизии.

В советское время в связи с растущим интересом к искусству народов нашей страны появилось несколько работ по киргизскому орнаменту, носящих преимущественно общий характер. Сюда в первую очередь следует отнести работы С. М. Дудина³, В. Н. Чепелева⁴, А. Ромма⁵ и др. Две работы М. Гаврилова⁶ и М. С. Андреева⁷, написанные на основании собранного авторами полевого материала, дают представление об орнаменте отдельных районов — Восточного Памира и Таласа. В эти же годы музеи Москвы, Ленинграда, Ташкента и Фрунзе собирают образцы народного искусства киргизов. В 1948 г. в работе М. В. Рындина и А. Н. Бернштама «Киргизский национальный узор»⁸, наряду с публикацией значительного количества орнаментальных мотивов и их названий, делается попытка раскрыть повествовательный характер киргизского орнамента в целом. Но эта «повествовательность» оказалась недостаточно научно обоснованной, и связанная с ней аргументация авторов считается в советской этнографической литературе спорной.

Большое значение для истории киргизского искусства имеют материалы археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, проводившей в Киргизии свои полевые исследования совместно с Институтом истории АН Киргизской ССР в 1953—1955 гг. Экспедиция обследовала всю территорию Киргизии, уделив особое внимание этнографической специфике отдельных ее районов. Собранные ею материалы характеризуют все виды декоративного искусства киргизов. Оно отличается исключительной монументальностью, богатством орнаментальных форм, четкостью рисунка и сдержанным колоритом. Это искусство теснейшим образом связано с кочевым в прошлом укладом жизни, с жилищем, одеждой, предметами домашнего обихода. Особое место занимает в декоративном искусстве снаряжение верхового коня.

У киргизов весьма древним является производство изделий из кошмы: узорных многоцветных ковров, наружных и внутренних конструктивных частей юрты (служащих одновременно элементами ее декоративного убранства), сумок для мелких вещей и посуды, а также предметов, связанных с перевозкой утвари во время перекочевков. Для изделий из кошмы характерны следующие особенности: крупные размеры узоров; двуцветность основных орнаментальных мотивов с более поздней по времени полихромией мелких деталей; яркие и чистые тона красок; сочетания красного с синим, оранжевого с коричневым, белого с коричневым и т. д.; криволинейный характер узоров (рогообразные мотивы), чаще всего оконтуренных цветным шерстяным шнуром⁹. На больших по размеру изделиях из кошмы обычно выделяется центральное поле с крупными орнаментальными формами, отделанное широкой полосой каймы.

Значительно распространено у киргизов производство узорных безворсовых изделий, тканых из шерсти, в том числе полос различной ширины, служащих для скрепления деревянных частей остова юрты и

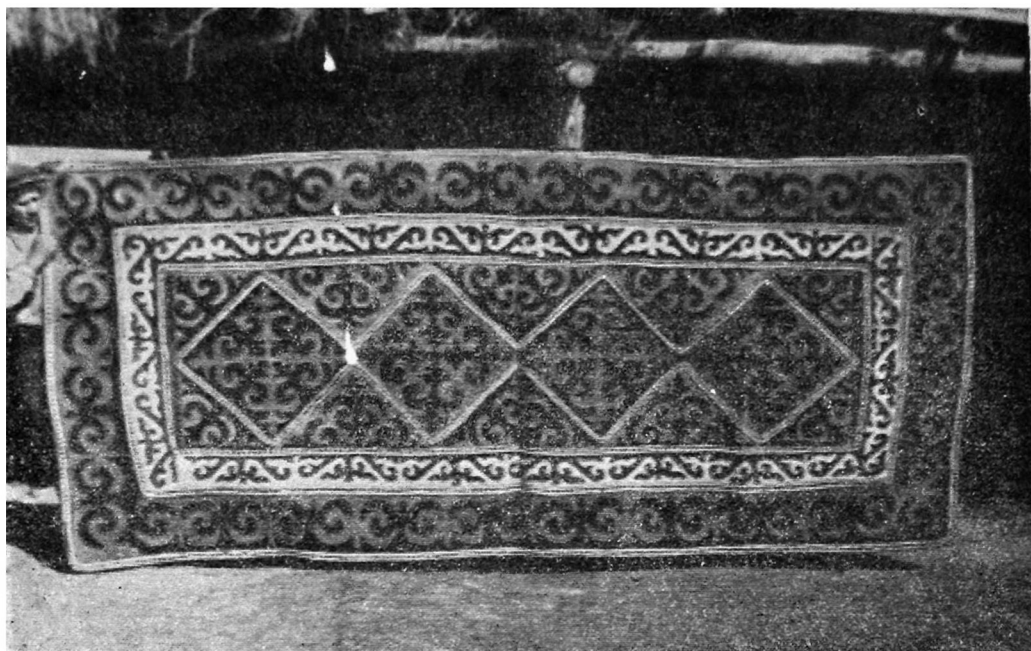

Рис. 1. Кошма.

ее войлочных покровов. По колориту они в основном близки к изделиям из кошмы. Среди узоров на них преобладают спиралевидные и геометрические мотивы.

Исключительную художественную ценность имеют тканые ворсо-

Рис. 2. Вышивка на кошме.

вые изделия (ковры, подвесные сумки, переметные сумы, ленты и навесные коврики для юрты). Основными центрами производства ворсовых изделий в Киргизии являются Ошская область и некоторые районы Джалал-Абадской области. По характеру и колориту ковровые изделия Киргизии занимают особое место в искусстве Средней Азии.

Ведущие мотивы декоративного поля на ковровых изделиях бывают крупными и имеют вид поставленных на угол квадратов (чаще всего трех), простых или ступенчатых ромбов, окруженных Г-образными или роговидными узорами. Такие узоры располагаются иногда только на углах квадратов. Кроме указанных, известны крестообразные розетки с парными завитками на концах, свободно заполняющие поле ковра или заключенные в обрамление. Кайма обычно состоит из трех или большего количества полос и отличается крайним разнообразием заполняющих их декоративных элементов.

Для киргизских ковров (так же, как для кошм) характерно сочетание красного и синего цветов как основных и оконтуривание узора полоской другого цвета.

Оригинальный вид декоративного искусства киргизов — узорные, плетенные из травы (*чий*) и цветной шерсти циновки, известные также казахам. Эти циновки изготавливаются для юрты и служат навесными дверями, употребляются как ширмы и циновки между решеткой остова и наружным покровом из кошмы; по своему колориту и узорам они примыкают к изделиям из кошмы и стачасти к ковровым и отличаются высокими художественными достоинствами.

Весьма широко распространена вышивка шерстью по кошке, по коже (наиболее древняя) и ткани (более поздняя). Вышивкой украшают одежду, головные уборы (у южных киргизов), настенные ковры, так называемые *тушкийизы* (преимущественно у северных киргизов), и другие предметы обихода. Отличительные черты вышивки по ткани — преобладание темных фонов, полихромных узоров и растительных мотивов, иногда включающих изображения различных животных, носящие наивнореалистический характер. Эти изображения близки соответствующим сюжетам наскальных изображений и фигурам животных, встречающихся в стенной росписи старых киргизских мавзолеев.

Очень развита художественная обработка металлов, главным образом железа и серебра. Широкой известностью пользуются в Киргизии мастера-ювелиры, изготавливающие металлические части конского снаряжения (седла, сбруи) и женские украшения (кольца, броши, подвески, пуговицы и др.)¹⁰. Из технических приемов обработки металла наибольшее распространение получили насечка серебром по железу, штамповка, гравировка и украшение серебряных изделий вставными цветными камнями и кораллом. Наряду с перечисленными в отдельных районах Киргизии распространены следующие технические приемы обработки металла: чернь (северная Киргизия, включая Таласскую долину), зернь и филигрань (в южной Киргизии), эмаль (в некоторых районах Иссык-Кульской и Тяньшаньской областей). На изделиях из металла преобладающими орнаментальными мотивами являются растительные и роговидные узоры.

Кожаные предметы, находящие широкое применение в быту кочевых народов, украшены у киргизов различным способом: узорным тиснением, накладными металлическими пластинками, аппликациями из цветной кожи и тканей, а также узорной строчкой и декоративными швами. Встречается техника прошивания кожи узкой металлической

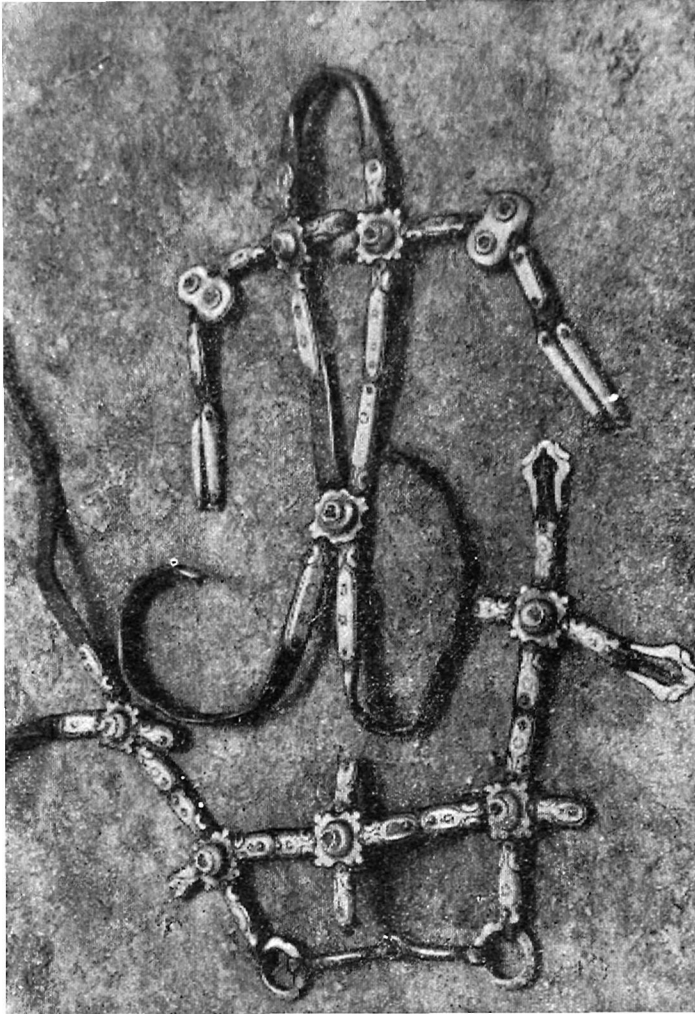

Рис. 3. Предметы конской сбруи.

лентой (Джалал-Абадская область). Из кожаных изделий известны потники для верхового коня, сосуды различной формы для кумыса, футляры для хранения и перевозки фарфоровых чашек, старинные колчаны и другие предметы.

Один из видов прикладного искусства киргизов—резьба по дереву. Резьбой украшены двери юрт, сундучки для хранения продуктов, футляры для пиал, детские седла, подставки для складывания постельных принадлежностей. Преобладающая техника обработки дерева — рельефная резьба, иногда сопровождаемая раскраской. Кроме этой техники, применяется плоскорельефная резьба. Среди узоров — различные типы розеток и спиралевидные мотивы. Узоры преимущественно крупные.

Декоративное искусство различных территориальных групп киргизов имеет много общего. В то же время наблюдаются и некоторые локальные особенности, например, в искусстве южных и северных киргизов. Для южных характерно ворсовое и безворсовое тканье с поли-

Рис. 4. Плотник

Рис. 5. Резьба по дереву.

хромными узорами по светлому фону и применение особых швов (на женских головных уборах и предметах убранства жилища). Вместе с тем у киргизов южных областей (относящихся к группе *ичкилик*) мало распространено производство узорных войлоков, вышитых настенных ковров (*тушкийиз*); слабо развито у них и плетение узорных циновок из *чия* и тиснение по коже; отсутствуют некоторые технические приемы обработки металла (например, чернь, эмаль). Для северных киргизов характерно массовое производство узорных войлочных ковров, широкое распространение орнаментированных изделий из кожи, богато орнаментированных циновок из *чия* и цветной шерсти, применение аппликации цветной тканью по войлоку для предметов декора кочевого жилища и настенных ковров. В отличие от южных районов на севере отсутствуют ворсовое ткачество, вышивка на женских головных уборах, сложные декоративные швы и др. Особенности в декоративном искусстве северных и южных киргизов, как и в материальной культуре, являются, с нашей точки зрения, отражением родо-племенных различий у киргизов в прошлом, а также культурно-исторических связей разных территориальных групп киргизов с другими народами.

По общему комплексу материальной культуры и прикладного искусства северные группы киргизов в целом близки к казахам, южные — к узбекам, таджикам и другим народам Восточного Туркестана.

Изучение киргизского орнамента показывает, что в нем можно различить пять основных групп орнаментальных мотивов, носящих более или менее устойчивый характер и представляющих значительный интерес с исторической точки зрения. Они свидетельствуют о связях киргизского искусства с искусством других народов¹¹.

В первую группу входят пальметты, полупальметты, крестообразные фигуры, рогообразные мотивы, «волна» с завитками и некоторые другие мотивы. Встречаются эти узоры на изделиях из кожи, дерева, металла и имеют широкое распространение.

Во вторую группу входят круги, восьмиугольники, крупные кресты, ромбы (простые и ступенчатые) сложного рисунка. Они встречаются обычно на ковровых изделиях и на циновках из *чия*.

Для третьей группы характерны цветочные, вообще растительные, мотивы и сложные розетки (вышивка).

Четвертая группа — простейшие геометрические мотивы (квадраты, вихревая розетка, пересеченные квадраты, шевроны и т. д.), встречающиеся главным образом на предметах из дерева и отчасти в вышивке и изделиях из кошмы.

В пятую группу входят некоторые центрально- и восточноазиатские символические знаки, меандр и облаковидные узоры.

Указанные мотивы киргизского орнамента можно обнаружить и в искусстве других народов Средней Азии, Центральной Азии, Кавказа и Южной Сибири. Так, например, первую группу мы находим на изделиях казахов (на коже, кости, в вышивке), полукочевых узбеков (на ковровых тканях и в вышивке), каракалпаков (на дереве, коврах и в вышивке), туркмен (на коврах, изделиях из войлока, в вышивке). На Кавказе та же группа имеется у кара-ногаев на изделиях из войлока; у башкир она употребляется на изделиях из кожи в вышивках и аппликациях по сукну; в Сибири ее можно найти у якутов, хакасов и бурят.

Вторая группа встречается у туркмен, полукочевых узбеков, ка-

захов (на циновках), каракалпаков (на ковровых изделиях), а также у народов Кавказа (на изделиях из мягких материалов).

Третья группа, кроме киргизов, известна казахам, оседлым узбекам и таджикам (у всех в вышивке).

Четвертую группу, истоки которой уходят в далекое прошлое, мы находим у многих народов, в частности у узбеков, туркмен, казахов, башкир (на изделиях дерева, иногда — в резьбе по глине). Известна она также народам Кавказа (на деревянных изделиях) и Сибири (на изделиях ремесленников Алтая и Тувы).

Пятая группа характерна для искусства монголов и китайцев.

Сопоставление различных орнаментов показывает, что перечисленные группы узоров встречаются как у киргизов, так и у других народов, живущих далеко за пределами Киргизии. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о прямом родстве ряда народов, создавших этот орнамент, с другой — является результатом тесных культурно-экономических связей между народами. Только этим можно объяснить общую основу орнамента, сохраняющую у перечисленных народов свое значение до настоящего времени.

Узоры первой группы были широко распространены среди кочевников степной зоны в средние века, но отдельные мотивы ее встречались и ранее, например в согдийском орнаменте VII—VIII вв.

Вторая и третья группы в их современном виде оформились в кочевой среде, но частично известны и оседлому населению Средней Азии.

Узоры четвертой группы менее распространены, они связаны с немногими бытующими сейчас предметами и являются, пожалуй, одними из самых древних. Отдельные мотивы этой группы были известны еще в период ранней бронзы.

По колориту киргизский орнамент стоит ближе всего к искусству народов Средней Азии, прежде всего к казахскому.

Обращаясь к технической стороне киргизского орнамента, следует отметить такую своеобразную для металла технику, как наложение и набивание серебряной проволоки на насеченную поверхность железа. Эта техника известна многим народам: казахам, узбекам, башкирам, бурятам, хакасам, калмыкам. Что касается зерни, то мы находим ее еще в искусстве усуней (на рубеже нашей эры) и в Средиземноморье в IV в. до н. э. В более раннее время (VI в. до н. э.) она была известна в Ольвии; ею пользовались также в Сирии в VI—VII вв. и в Византии в X в.

Обращают на себя внимание шов-тамбур, широко известный тюрко- и монголоязычным народам, и декоративный шов с переплетением (южная Киргизия) — прием, применяемый в Средней Азии гуркменами, а в Сибири якутами.

Отмеченные выше особенности декоративного искусства киргизов — локальные варианты их орнамента, технические приемы и черты различия между северными и южными группами киргизов — отражают этногенетические процессы и культурные связи киргизов, подчеркивая в то же время важное научное значение рассматриваемых памятников народного творчества для истории киргизского народа.

В настоящее время, в условиях колхозного строя и перехода к оседлому образу жизни, киргизское декоративное искусство получило новые широкие возможности для своего развития и обогащения¹².

Самые излюбленные виды прикладного искусства в наши дни — войлочные и ворсовые ковры, художественные вышивки. Орнамент на этих изделиях сохраняет основные черты традиционного национального стиля.

Широко распространена вышивка. Ею занимаются как признанные в колхозах мастерицы, так и вообще многие колхозницы, учительницы, учащаяся молодежь. Вышивкой украшают предметы декоративного убранства жилищ, реже — одежду. Наряду с сохранением старинных приемов вышивки проявляются новые ее виды, отражающие тесные связи с русским и украинским народами, а также влияние городской культуры.

Молодежь вышивает главным образом гладью и крестом, реже тамбуром по белой ткани. Вышивка крестом распространялась в Киргизии под влиянием соседнего русского населения. Вышивки можно найти в каждом доме. Вышивают занавеси на окна, подзоры, полотенца, занавеси, закрывающие висящую одежду, украшая все эти изделия кружевами и прошивками, связанными крючком. Узоры этих вышивок разнообразны. Наряду с растительным орнаментом часто вышивают птиц в подражание мотивам украинских и русских вышивок, а также реалистические изображения, созданные самостоятельно (например, изображение оленей), соединенные с элементами старинного киргизского узора. Следует отметить создание мотивов вышивки с новой советской тематикой (герб Киргизской ССР, «голубь мира», окруженный цветами и др.).

Отдельные виды народного изобразительного искусства киргизов продолжают развиваться на основе использования, с одной стороны, унаследованных и в известной мере переработанных традиций, с другой — новых приемов и мотивов, появившихся в результате глубокого проникновения в быт киргизского населения современной культуры и широкого общения их с другими народами.

Образцы богатого и развитого декоративно-прикладного искусства киргизского народа заслуживают публикации. В настоящее время Институт этнографии АН СССР при участии Института истории АН Киргизской ССР готовит к печати большой альбом, посвященный этому искусству. В альбоме будут представлены ковровые изделия, вышивки, резное дерево, металл и другие виды киргизского искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Фелькерзам, *Старинные ковры Средней Азии*, — «Старые годы», июнь, 1915.

² Gyergy Almasy, *Der Karakirgisen Ornamentik*, — «Anzeiger der ethnographischen Abteilung des ungarischen Nationalmuseums», Budapest, 1907.

³ С. Дудин, *Киргизский орнамент*, — «Восток», журн. литературы, науки и искусства, кн. 5, Л., 1925, стр. 164; он же, *Ковровые изделия Средней Азии* — «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», Л., 1929, вып. VII.

⁴ В. Чепелев, *Киргизское народное изобразительное творчество*, «Искусство» М., 1939, № 5.

⁵ А. Ромм, *Очерк истории изобразительного искусства Киргизской ССР*. М. — Л., 1941.

⁶ М. Гаврилов, *Орнамент киргиз Сусамыра*, Ташкент, 1929.

⁷ М. С. Андреев, *Орнамент горных таджиков и киргизов Памира*, Ташкент, 1928г.

⁸ М. В. Рындин (А. Н. Бернштам), *Киргизский национальный узор*, Ленинград — Фрунзе, 1948.

⁹ Прием оконтуривания узоров шнуром известен в Восточной Азии еще в гунское время (предметы из Ноин Улинского погребения в Монголии, относящиеся к рубежу нашей эры).

¹⁰ А. Ф. Бурковский, *Из истории техники металлического производства у киргизов*, — «Ученые записки исторического факультета Киргизского государственного университета», Фрунзе, 1958, вып. V.

¹¹ С. В. Иванов, *Орнамент киргизов как исторический источник*, — «Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959.

¹² С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, *Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан*, — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 37, М., 1958 (разд. «Народное прикладное искусство», стр. 305).

По докладу выступил С. М. Абрамзон.

В. Л. ВОРОНИНА (Москва): КАРИАТИДЫ В АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

История зодчества разных стран и народов дает целую серию типов кариатид. В идеале это целая фигура (Эрехтейон), хотя в архитектуре средних веков, особенно последнего времени, кариатиды нередко изображают лишь верхнюю часть тела.

Кариатиды, как и другие виды монументальной скульптуры, существовали до ислама в Средней Азии. Об этом свидетельствуют письменные источники (Ибн ал-Факих, Ахмед ат-Туси), где говорится о некоей мервской постройке, крыша которой опиралась на четыре фигуры — две женские и две мужские¹. Это же доказывают памятники прикладного искусства, рельефы биянайманского оссуария и серебряного сосуда, отмеченные в свое время А. Я. Борисовым² (рис. 1).

Рис. 1. Кариатиды в изобразительном и прикладном искусстве Средней Азии: а) рельеф на оссуарии из Бия-Наймана; б) в настенной живописи Варакши; в) рельеф серебряного сосуда из коллекции Государственного Эрмитажа.

Первым подлинным памятником такого рода являются деревянные скульптуры древнего Пянджикента VIII в., извлеченные в обугленном виде (что спасло их от тления).

В парадном зале одного из богатых жилых домов шахристана открыты две деревянные скульптуры. У обеих отсутствуют руки и ступни ног, сильно повреждена правая нога ниже колена. В остальном сохранность скульптур удовлетворительна (хотя и неодинакова). Лучше уцелела первая из найденных фигур (которая и в дальнейшем будет называться «первой»); при наличии большого числа поверх-

Азии, новая серия, LXXXI, «Исторические науки», кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 140—143.

³⁸ In this instance one can postulate the survival of ancient totemistic conception which may be reflected in the custom under consideration; this, however, requires special study.

³⁹ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1943, стр. 275.

⁴⁰ Cf. for example, А. Васильев, *Античная гробница в Казанлыке*, София; М. И. Ростовцев, *Античная декоративная живопись на юге России*, СПб, 1913, таб. LI, рис. 6; С. И. Руденко, *Культура населения горного Алтая в скифское время*, М.—Л., стр. 339, табл. XCV.

Г. П. ШЕСАРЕВ (Москва): МАЗДЕИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Предметом настоящего сообщения являются некоторые представления и обряды, оставшиеся от предшествовавших мусульманству в Средней Азии религиозных систем и верований, с наибольшей четкостью прослеживающиеся в той области духовной жизни, которая связана с погребальным культом. Эта область выбрана не случайно. Именно погребальный культ, представления и действия с ним связанные, всегда отличаются наибольшей консервативностью, что можно проследить вплоть до нашего времени.

В основу нашего анализа положены новые этнографические материалы, полученные в результате полевых экспедиционных работ последних лет среди населения низовьев Аму-Дарьи. В силу ряда обстоятельств, среди которых известная географическая изолированность Хорезма играет немаловажную роль, эта территория являлась своеобразным заповедником не только археологических памятников, но и многих этнографических явлений. В первую очередь это относится к области религиозных верований и обрядов, в том числе и связанных с погребальным культом.

Не касаясь огромного комплекса первобытных верований, элементы которых прослеживаются в религии народов Средней Азии, равно как и в любой другой развитой религиозной системе, мы обратим внимание на явления, на наш взгляд, восходящие к господствовавшим в Средней Азии до ислама маздеистским представлениям и маздеистскому ритуалу.

Ислам нанес сокрушительный удар по официальной религии, в частности в Хорезме Кутейба уничтожил зороастрийское жречество, храмы и богослужебные книги. Все же маздеистскую традицию мы находим в этнографических материалах, в семейных обрядах, в легендах и преданиях и т. д.

Вполне естественно, что своеобразный погребальный ритуал маздеистов и связанные с ним представления не могли полностью исчезнуть, тем более что сам ислам, оформляясь на базе христианства, иудаизма и зороастризма, органически воспринял многие элементы этих религий.

В комплексе пережиточных явлений погребального культа обращают на себя внимание те из них, которые связаны с характерным для зороастризма представлением о нечистоте мертвого тела, нашедшем яркое воплощение во многих текстах зороастрийских богослужебных книг, в частности в «Вендидаде».

Отголоском этого представления следует прежде всего объяснить наличие в дореволюционном прошлом у оседлого населения Средней

Азии особой профессии омывальщиков мертвых, своеобразной замкнутой касты, в значительной степени изолированной от окружающего населения. В крупных городах Средней Азии (Бухара, Самарканд, Хива) представители этой профессии проживали особыми кварталами, не смешиваясь с другим населением. В южном Хорезме они имели отдельные кладбища и мечети, были эндогамны. Бытовое общение с ними, в частности совместное принятие пищи, избегалось. Профессия их обычно передавалась по наследству.

Улик ювучи, мурда-шуи, как именовались они в разных местах Средней Азии, являлись теми служителями погребального культа, на которых возлагался ритуал подготовки мертвого тела к захоронению. Именно они проводили меры, нейтрализовавшие оскверняющее действие трупа, частично переносящееся на них, чем и объясняется их бытовая изоляция. Наличие такого осквернения доказывается, в частности, тем, что хорезмских омывальщиков мертвых после совершения их обязанностей в течение трех дней не допускали к возжиганию огня и приготовлению пищи, и они проходили обряд очищения.

Омывальщики мертвых, как нам кажется, являлись преемниками тех зороастрийских «служителей мертвых», о существовании которых в городах Бю-сы (Персия) сообщается в китайской истории Северных дворов следующее: «Вне резиденции есть сословие людей отдельно живущих. Они занимаются погребением умерших и считаются нечистыми. Если они идут на городской рынок, то дают о себе знать, потрясая бубенчиками»¹.

В Хорезме долгое время сохранялось представление о *иетти бам*, семи отверженных профессиях, к которым относились и омывальщики мертвых². Если отбросить позднейшие мусульманские наслоения в представлениях о профессиях *бам*, становится очевидным, что мы имеем здесь дело со своего рода кастой, в которую в древности входили представители профессий, по роду своих занятий имеющие дело с предметом нечистым или оскверняющим чистоту стихий, считавшихся священными у маздеистов.

Обычай омовения умерших в целом восходит к древним приемам очищения, изгнания демонов, завладевших человеческим телом. Эти приемы были кодифицированы зороастризмом и изложены в VIII фаргарде Вендидада, посвященном ритуалу изгнания демона Насу, вселившегося в человека, имевшего соприкосновение с мертвым телом. Ислам многое изменил в этих приемах. Но иногда, например, в обычае *кучурма* — изгнании злого духа — особенно в его хорезмском варианте, мы находим поразительное сходство с ритуалом очищения, изложенном в «Вендидаде».

Сохранение маздеистской концепции нечистоты мертвого тела подтверждается рядом других фактов. Показательно, что в народных верованиях именно кладбища, места захоронения умерших, считались обиталищем злых духов, наносящих вред человеку.

В южном Хорезме в старину участок поля, на котором было обнаружено мертвое тело, или вовсе не засеивался или обрабатывался после ряда очистительных церемоний, в которых водное очищение играло главную роль. Вспомним «Вендидад», который в VI фаргарде в аналогичных случаях строго запрещает в течение года обрабатывать подобный участок земли.

Когда мертвое тело бывало обнаружено в колодце или *хаузе* (водоеме), применялся ряд очистительных мер: колодец в строгой по-

следовательности действий вычерпывался, из *хауза* вода спускалась, после чего колодец или *хауз* становились *халал* — чистыми. Применявшиеся очистительные действия почти полностью повторяли рекомендации VI фаргарда «Вендидада».

Широко распространено у народов Средней Азии правило закрывать или уносить из комнаты, где умер человек, еду и посуду. К этим же ритуальным действиям, имеющим корни в первобытных верованиях и с наибольшей полнотой кодифицированным зороастризмом, относится и обычай запрета в течение трех дней зажигать огонь и готовить пищу в доме умершего.

Весьма примечательны меры, применявшиеся в отношении *юзка*, т. е. той подстилки из циновки и палок, на которой происходило омовение умершего. *Юзка* рекомендовалось выбросить туда, «где не ступает нога человека», так как соприкосновение с этим предметом могло вызвать болезни и смерть. Относить *юзка* обычно на кладбище мог только омывальщик трупов. Любопытно, что в Хорезме среди полей попадались необработанные участки, заросшие кустарником и травой. Это так называемые *шитлики*, места, куда выбрасывали *юзка*.

Описывая зороастрийский похоронный обряд парсов, К. А. Иностранцев обращал внимание на обычай закрывать лицо умершего, выносимого из дома³. Соблюдение аналогичного обычая в южном Хорезме помогает понять причину этого явления: здесь считалось, что солнечный свет ни в коем случае не должен был упасть на лицо умершего. Очевидно, мы имеем дело с боязнью осквернить небесное светило; эта же боязнь вызывала меры предосторожности и в других случаях: нельзя было под солнцем, стоящим в зените, совершать заупокойную службу, нельзя было работать в момент восхода и захода солнца и т. д.

В официальном зороастризме мы находим двойственное и на первый взгляд противоречивое отношение к священным стихиям: с одной стороны, стремление обезопасить их от осквернения, с другой — использование их же в качестве очистительных средств. Эта двойственность прослеживается и в этнографическом материале Средней Азии. Часто воздействием воды, огня, земли, небесных светил стремились снять с человека ритуальную нечистоту. Несомненно связан с зороастризмом, например, обряд очищения огнем в последнюю среду месяца сафара, когда около ворот дома зажигали костры и разбивали посуду, а также возжигание очистительных костров в бытовой практике, когда человек, прибывший домой издалека, проходил очищение огнем перед своим жилищем.

К пережиткам ритуального очищения землей в зороастрийском культе⁴, может быть, следует отнести обычай растирать свое тело землей, взятой у мазаров, широко практиковавшийся паломниками в разных местах Средней Азии.

Любопытно, что обычай *хакулла* — выделение «божьей доли» из собранного крестьянином урожая зерна — поразительно напоминает церемонии очищения зерна, описанные в «Вендидаде»⁵. В обоих случаях с каждой из четырех сторон кучи зерна отделяли небольшую часть и относили на несколько шагов в сторону. В некоторых случаях у хорезмских крестьян отделенное зерно смачивали водой (т. е. по существу очищали) и после просушки смешивали с остальным урожаем. Магический круг, прочерченный вокруг кучи зерна, также хорошо известен в зороастризме.

В похоронном ритуале мы находим пережитки обрядов, при которых очищение производилось воздействием небесных светил. Так, в Хорезме *курпа* (одеяло), употреблявшееся при переносе умершего на кладбище, в старину клали на ночь на крышу, чтобы «его увидели звезды», после чего оно становилось *халал* — чистым. Весьма сходный с этим обычай совершали зороастрийцы, выставлявшие в окнах под солнечные лучи одежду, оскверненную соприкосновением с мертвым телом⁶. Очистительное свойство небесных светил подтверждается имевшим место в Хорезме обычаем выставлять ночью на крышу «под звезды» кислое молоко, предназначенное для лечения больных.

Возможно, с этими же предполагаемыми свойствами небесных светил связана традиция изображать на стенах домов разного рода солярные знаки, являвшиеся, по нашим данным, оберегами.

Желание обезопасить себя от оскверняющего воздействия мертвого тела прослеживается в ряде моментов погребального ритуала. Достаточно упомянуть **обычай окуривания комнаты**, где умер человек, травой *испанд*, само название которой осталось от маздеизма⁷. Кстати, смысловое значение некоторых терминов, связанных с погребальным ритуалом, как нам кажется, восходит к зороастризму. Так, например, группа родных и близких, переносившая умершего на кладбище во многих местах Средней Азии, в частности в южном Хорезме, именовалась *сюякчи*, буквально «костники», так же как в некоторых местах омывальщиков трупов называли *сюяк кирувчи*, т. е. «смывающие нечистоту с костей».

Можно было бы продолжить перечисление фактов, свидетельствующих о пережитках в этнографическом материале маздеистской идеи сакральной нечистоты мертвого тела. Но нигде эта идея так четко не проявляется, как в самом способе захоронения мертвых. При большом разнообразии этих способов в Средней Азии в некоторых районах, например в южном Хорезме, наблюдается определенная закономерность, вытекающая, на наш взгляд, из той же древней зороастрийской традиции, строго запрещавшей осквернять землю соприкосновением с мертвым.

Пожалуй, нигде в Средней Азии не сохранился с такой полнотой наземный, склепный способ захоронения умерших, как в Хорезме. Даже в таких очагах древней культуры, как Бухара и Самарканд, он проявляется в меньшей степени.

В Хорезме в ряде районов захоронение над поверхностью земли до сих пор преобладает. В этих местах считается, что захоронение в земле унижает покойного, означает неуважение к нему. «Если я похороню отца в землю, мне никогда не простят этого окружающие», — часто слышали мы в южном Хорезме. И это, несмотря на то, что в этих же слоях верующего населения живет сознание незаконности подобного ритуала с точки зрения мусульманской религии.

Виды наземных погребальных камер здесь различны. В основном это *сагона* — небольшой склеп с лазом, предназначенный для одиночного захоронения и сложенный из кирпича, пахсы или комьев глины (*кесяк*) с внешней обмазкой. Это универсальная форма погребальной камеры, широко распространенная по всей Средней Азии. Однако только в старых оседлых центрах она является подлинно наземным склепом; в других местах *сагона* — только внешний знак, метка, сочетающаяся с подземным захоронением.

В Хорезме обращает на себя внимание способ возведения *сагона*

на мощном основании из толстых бревен с прослойкой камыша, как бы отделяющем самую погребальную камеру от земли. Мы склонны расценивать это влиянием древней традиции, стремлением изолировать землю от осквернения нечистым.

Помимо *сагона*, в тех же южных районах Хорезма имеется и другой тип наземной погребальной камеры — *нигрик*, повторяющий технику сооружения жилого каркасного дома, что говорит о сравнительной молодости этого типа погребального сооружения.

Но в южном Хорезме мы находим и такие виды наземных камер, которые не имеют аналогии в других местах Средней Азии. Это прежде всего захоронения в деревянных наземных ящиках, так называемых *сандыках*. Одиночные *сандыки* попадаются во многих местах, но имеются в центре южного Хорезма очень древние заброшенные кладбища, где этот способ сооружения преобладает. Иногда такие ящики почти скрыты мощным культурным слоем. Среди *сандыков* мы находим и более новые, связанные из вертикально расположенных досок с сильной внешней обмазкой, и более старые, грубой работы, из мощных досок горбыля, расположенных горизонтально.

Совсем необычно выглядят длинные узкие гробы, обнаруженные нами на двух-трех старых кладбищах в Ханкинском и Хивинском районах. Любопытно, что вблизи одного старого кладбища с ящичным захоронением был обнаружен фрагмент статуарного оссуария.

Захоронение в ящиках является уникальным. Ближайшие аналогии мы встречаем у кафиров Гиндукуша, описанных Д. С. Робертсоном⁸.

Столь же уникальным являются и другие погребальные сооружения южного Хорезма — огромных размеров погребальные камеры, с полным основанием могущие называться склепами. Длина их достигает 15—20 м и более при высоте 2,5—3 м. Внутренними стенами эти сооружения из пахсы разделены на несколько отделений, носящих название *кат*, — термин, применимый и к комнатам жилого дома. Перекрытие — из мощенных балок и жердей с обмазкой — плоское и имитирует свод. Эти сооружения для коллективных захоронений членов большой семьи представляют собой настоящие дома для умерших, которых располагают в них иногда в два и три этажа на нарах. По существу — это совсем особый тип погребальных сооружений⁹. Ближайшие аналогии мы находим в Осетии и Ингушетии в виде известных семейных усыпальниц, что может подтвердить наличие общего пласта в этногенезе народов Хорезма и Осетии.

Последним типом наземной погребальной камеры являются небольшие купольные сооружения из кирпича высотой до 2—3 м с ложным порталом и лазами для внесения трупов. Эти рядовые захоронения как бы копируют купольные мазары местных святых.

Мы склонны полагать, что наземные погребальные склепы южного Хорезма ведут свое начало от маздеистских *наусов*, известных нам по археологическим открытиям в Средней Азии¹⁰.

Сплошное обследование, проведенное нами в Хорезме, дало возможность не только выявить наличие склепного способа захоронений, но и довольно четко проследить определенную замкнутую зону их распространения.

Эта зона наземных захоронений охватывает лишь южные районы Хорезма (Хивинский, Ханкинский, Янги-Арыкский, Хазарапский), где жило древнее земледельческое население, т. е. территорию узбеков,

которые в массе своей не сохранили родо-племенных делений, но сохранили местами самоназвание *сарт* и в этнографических материалах, в которых мы находим многое от древнехорезмийских традиций. Именно среди них сохранились реликты древнего культа плодородия, связанного с женским божеством и почитанием Аму-Дарьи, водам которой в прошлом совершались жертвоприношения. Здесь с наибольшей полнотой прослеживались следы огнепоклонничества, а в легендах и мифах фигурировали персонажи древнеиранского эпоса.

Эта зона наземных захоронений представляет собой островок в огромном массиве территорий, на которых у узбеков, сохранивших родо-племенные деления, а также казахов, туркменов и каракалпаков господствует иной, ямный способ захоронений.

Местное население дает шаблонное объяснение этому явлению, ссылаясь на наличие грунтовых вод, препятствующих якобы захоронениям в земле. Наши наблюдения полностью опровергают подобное объяснение. В целом ряде мест, где грунтовые воды залегают близко (Питняк, вся дельта Аму-Дарьи), господствует подземный способ и, наоборот, на возвышенных местах (Хива) — наземный способ захоронения.

Кроме того, на границах зоны наземных захоронений, а именно там, где уже появляется население, знавшее родо-племенные деления, пролегают полосы смешанных захоронений — на одних и тех же кладбищах мы находим оба их вида. Примером этому служит хотя бы огромный некрополь, обнаруженный нами южнее Хазараспа, на границе культурной зоны и степи, в котором рядом с наземным склепом мы находим любопытный и тоже уникальный способ захоронения катакомбного типа: глубокий могильный шурф (3—4 м) ведет к расположенным с четырех сторон боковым могильным камерам с лазами, закрывающимися по мере их заполнения.

Говоря о происхождении наземного способа захоронений, следует упомянуть о некоторых представлениях и легендах, бытующих среди населения старых центров оседлости Средней Азии. В том же Хорезме легенды связывают этот способ захоронения с нечестивым Шаддадом, труп которого земля выбрасывала на поверхность и которого северохорезмские узбеки называют родоначальником *сартов*. Другая легенда, записанная в Хазараспе, объясняет происхождение этого обычая иранским влиянием. Все это перекликается с представлениями о земле, не приемлющей мертвое тело, которые, по свидетельству М. Рахимова, бытуют у горных таджиков¹¹.

Подытоживая изложенное выше, следует сказать, что этнографический материал по вопросам духовной культуры, в частности, связанный с погребальным культом, так же как и исследования в области материальной культуры, социальных и семейных отношений, помогает выделению среди узбекского населения Средней Азии, в частности в низовьях Аму-Дарьи, определенных этнических групп, генезис которых восходит к древнейшим насельникам земледельческих оазисов Средней Азии.

Наши работы в Хорезме являются началом картографирования типов захоронений и надгробных сооружений на обширной территории Средней Азии. Мы уверены, что дальнейшее этнографическое картографирование в сочетании с картографированием археологических памятников погребального культа даст много ценного для решения проблемы этногенеза народов Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, стр. 262.

² Подробнее см. наш отчет о работах Узбекского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1954 г., «Краткие сообщения Института этнографии», № 26, стр. 135—136.

³ К. А. Иностранцев, *Пагсийский погребальный обряд в иллюстрациях гуратских версий книги об Арта-Вирафе*, «Известия Академии наук», 1911, VI серия, № 7, стр. 557—561.

⁴ См. *Вендида*, IX фаргард, 29—31. Использовался перевод; Fritz Wolff, *Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen*, Strassburg, 1910.

⁵ *Вендида*, VII фаргард, 32—33.

⁶ Там же, 14—15.

⁷ К. А. Иностранцев, *Сасанидские этюды*, СПб., 1909, стр. 97.

⁸ Д. С. Робертсон, *Кафиры Гиндукуша*, Ташкент, 1906, стр. 181—181.

⁹ Г. П. Снесарев, *О большесемейных захоронениях у оседлого населения Средней Азии*, — «Краткие сообщения Института этнографии», № 33.

¹⁰ *Труды Таджикской археологической экспедиции*, т. II (1948—1950 гг.), М.—Л., 1953 г., стр. 64—98.

¹¹ М. Рахимов, *Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области*, — «Известия Отд. общ. наук АН ТаджССР», 1953, вып. 3, стр. 124.

GEORGE B. CRESSEY (Syracuse, N. Y.): THE DESERTS OF ASIA

More than one third of Asia is dry, the product of continentality, mountain patterns, and atmospheric circulation. Areas of extreme aridity are present in the Rub' al-Khali of southern Arabia and the Takla Makan of western China, both essentially rainless and lifeless. Elsewhere, aridity fades off into subhumid lands with marginal potentials for settlement.

Since deserts have many characteristics, it may be well to examine Asia in terms of climate, ecology, geomorphology, hydrology, soils, and geography.

Climatic Deserts

No deserts are completely rainless, but the annual average may be only an inch or two and years may pass between chance showers. To report that Yarkand in Sinkiang averages half an inch a year may merely mean that once or twice during a decade there were sharp rains. With five inches of precipitation and low temperatures, northern Mongolia has a fair grass cover, while the same rainfall in hot Arabia results in a barren surface.

Large parts of Asia are dry. Areas with less than 200 mm, roughly 8 inches, total 4 881 000 square miles, and the areas with 200 to 400 mm, 8 to 16 inches, amounts to 4 982 000 square miles. These and the figures to follow are based on planimeter measurements on original maps.

Rainfall Deserts

Under 100 mm (4 inches)	2 657 000 square miles
101-200 mm (4-8 inches)	2 224 000 " "
200-400 mm (8-16 inches)	4 982 000 " "

Total Dry Lands 9 863 000 square miles

This aridity is the result of many factors. In interior Asia high mountains block moisture-bearing winds from the ocean. Thus, negligible rain-

В этом номере

ISSN № 0130-7045

Н. АНДРИАНОВ
ЗАВИСИТ
ОТ НАС

Е. БРУСКОВА
Письма из 42-го

В. ЯНИН,
член-корреспондент АН СССР
**ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ
ПАМЯТНИКА**

В. ПАЗИЛОВА
О «ВОСКРЕШЕНИИ
ОТЦОВ СЫНАМИ»

НАУКА И РЕЛИГИЯ

И. КАРАЯНУ
Я СДЕЛАЛ
ВЫБОР

Г. КОРЕНКО
СЕЛЬСЕБИЛЬ
РАССКАЗ

Гр. ОГАНОВ
ТЕЛЕПРОПОВЕДНИКИ

3 • 1983

Земные корни
сверхъестественного

Змея... длинная, футов шести с лишним, и старая: яркая когда-то расцветка молодости потускнела на ней, стерлась, не режет уже глаз на фоне леса, где ползает и таится она, тварь обособленная, издревле проклятая, гибельная...

Уильям ФОЛКНЕР

Как вы относитесь к змеям?

Г. ШЕСАРЕВ,
кандидат исторических наук

ЗАМЕТКИ ЭТНОГРАФА

— Этнограф? — возможно, удивится читатель, обративший внимание над подзаголовком этого рассказа. — Но какое отношение имеет этнограф к змеям? Ведь его цель — изучать культуру и быт людей. Не лучше ли предоставить этот сюжет специалистам-зоологам?

Вполне логичное рассуждение. Действительно, автор имеет довольно смутное представление о происхождении отдельных видов пресмыкающихся, о строении их организма, их жизненных функциях, поведении и прочем. Однако не будем спешить отказывать этнографу в праве поговорить о змеях.

Человек на долгом историческом пути к совершенству вступал в самые различные отношения с животным миром. В плане ирреальном эти отношения проявлялись, в частности, в его верованиях и многих обрядах, в которых животные занимали немаловажное место. А это уже вполне в компетенции этнографа, значит, ему совсем не мешает знать повадки, скажем, змей или иных представителей фауны того края, культуру и быт которого он изучает.

Всю жизнь я был связан со Средней Азией. Довольно долго жил там, а потом почти ежегодно бывал там с этнографическими и археологическими экспедициями. Южное Приаралье, треугольник Хорезмского оазиса, зажатый между пустынями Каракумы и Кызылкумы, в самых низовьях Амударьи, и примаыкающие к нему раздолья песков облизал вдоль и поперек.

Пустыня — это раскинувшийся на сотни километров заповедник пресмыкающихся и иных малоприятельных созданий природы — скорпионов, фаланг, сколопендр, каракуртов, общение с которыми для человека пренеприятно. Из пустыни эти существа то и дело перемещаются в культурную зону, освоенную с древнейших времен, так что в конфликты с этим «зверьем» человек вступает довольно часто.

Не раз во время моих странствий по южному Приаралью покушались на меня и сколопендры, и скорпионы, и фаланги — мохнатые, огромные, почти с ладонь, пауки, темные и быстроногие. Постепенно я со всем этим свыкся.

Но никогда я не мог примириться со змеями.

О змеях давно пишут и говорят много хорошего. Змею, даже самую что ни на есть ядовитую, реабилитировали. Кто теперь не знает, что змеиный яд — ценное лекарство? Меня даже убеждали, что змея не столь уж агрессивна. Наконец, я знаю, что змея — часть природы, которую мы призваны охранять. Но в этом вопросе мой рассудок и чувство не находят точек соприкосновения. Никакие логические доводы не смогут побороть сложное чувство, которое возникает у меня при одном виде змеи: в нем сочетаются страх или, скорее, какой-то леденящий ужас, брезгливость и даже злоба.

В полной мере мое неприятие пресмыкающихся подверглось испытанию, когда я попал в Хорезм, в зону Великих пустынь — это истинное их царство. Здесь их можно встретить и в песках, и в культурной зоне, и в прибрежных зарослях, и на берегах каналов, и в развалинах древних крепостей, в садах и даже в домах. То и дело змеи попадают под колеса машин, когда переползают шоссе, — помню, однажды мы переехали довольно солидного пустынного удава.

На раскопках крепости Шах-Сенем у меня завелся знакомый желтопуз, говорит, вполне невинная змея, — его ежедневный путь на башню крепости, где он, видимо, любил погреться, пролегал через мой раскоп. Я даже балагурил, правда, несколько принужденно, с этим толстяком, каждый день посещавшим мое рабочее место. Как-то ночью на базе нашей экспедиции в Куня-Ургенче — древней столице Хорезма — змея заползла мне на лоб — и я в какую-то долю секунды взлетел на воздух, сделал, как мне кажется, тройное сальто, о котором могут мечтать цирковые акробаты.

Многие мои коллеги подвергались куда большей опасности в своих встречах со змеями, известны мне и трагические финалы таких встреч.

Очевидец и участник разных приключений в «змеином царстве», я при этом всегда оставался еще и этнографом — хотел уяснить, как относится местное население к не слишком приятным представителям пустынной фауны и какое отражение взаимоотношения с ними получают в быту людей, в частности, в их верованиях и обрядах.

С исконными жителями пустыни и ее оазисов мне приходилось беседовать сотни раз, но, за редким исключением, я не слышал от них рассказов о конфликтах с местной фауной, во всяком случае, эта тема не занимала значительного места в разговорах. Объяснить это можно тысячекратной адаптацией, тем, что у местных жителей из поколения в поколение выработался своего рода «психологический иммунитет». К змеям и прочему подобному «зверью» сложилось такое же привычное, будничное отношение, как к жаре, безводию, смерчам и пыльным бурям.

Тем не менее при подробных расспросах неизменно выяснялось, что у здешнего населения было всегда и сохранилось сейчас крайне отрицательное отношение к пресмыкающимся и вредным насекомым. Прежде всего мне надо было выяснить природу этого чувства...

Размышляя на эту тему, я пришел к твердому убеждению, что «антизмеиный рефлекс» (назовем его так условно) — это не мое личное чувство, оно характерно для большинства людей, и в нем проявляется инстинкт, заложенный в человеке с первобытных времен.

Тогда, на заре человеческой истории, отношение к пресмыкающимся было намного сложнее, чем теперь, и несомненно, что оно не было только отрицательным. Что-то в этом отношении по ходу истории отмирало, что-то обострялось... беру на себя смелость перенестись на многие тысячелетия в глубь времен и поставить себя на место человека, лишь недавно научившегося владеть дубинкой и камнем.

...Мне представляется, что я перед рассветом просыпаюсь в темной пещере. Мои близкие спят около потухшего костра, я набрасываю шкуру, беру свой каменный топор, выхожу из пещеры. Стою на откосе и вглядываюсь вдаль: там раскинулись джунгли, повсюду притаилась опасность. Но я — смелый охотник и не раз со своими братьями вступал в схватки с хищным зверем. Я помню душные объятия пещерного медведя, на груди моей — следы от клыков тигра. Я видел стада мамонтов, они могут растоптать целое племя, охотился на них. Я знаю, как сообща нанести последний удар, чтобы потом с победными криками

тащить в наше стойбище тяжелую тушу зверя.

Но есть другой враг. Он не оглушает топотом ног, как носорог или мамонт, не ревет, как медведь, не бросается на тебя издали, как взбешенный бизон. Это — Молчаливая Смерть: бесшумно и незримо вползает змея в мрак твоего жилища, никем не замеченная, пригравшись у костра, ждет подходящего момента, а потом внезапно вонзает зубы в тело человека, пошевелившегося во сне. След от укуса почти не виден — что он по сравнению с рваными ранами, оставленными клыками хищника! — а смерть неизбежна, и никто, даже старики не знают, как спастись от нее.

Это хитрый и мудрый враг. Каждый охотник хотел бы обладать его умением незаметно, прячась в зелени, применяясь

Геракл побеждает речного бога Ахелоя, которого древние греки представляли в виде рогатого змея. Фрагмент изображения на сосуде (конец VI в. до н. э.), хранящемся в Британском музее.

«Чудо Георгия о змию» (Святой Георгий поражает копьем дракона). Новгородская икона XIV в. из собрания Третьяковской галереи.

к цвету песка, обвиваясь вокруг ветки дерева, подкрадываясь к жертве, терпеливо ждать нужного мгновения для решительного броска и исчезать бесследно в какой-нибудь расщелине, когда грозит опасность.

Змеи внушают ужас, но они же... и прекрасны! Глаз не устает любоваться их пестрой расцветкой, причудливыми узорами на коже, гибкими движениями тела. Мы подражаем им, когда на охотничьих праздниках совершаем свои священные танцы. Наши художники высекают на скалах извивы змеиного следа.

Змеи вечны. Они сбрасывают старую кожу и возрождаются к новой жизни. Они помнят моего деда и деда моего отца. Они всегда с нами. Мы связаны с ними кровным родством.

В годы бескормицы, когда зной иссушает землю и крупный зверь покидает здешние места, уходит за дальние горы — туда, где прячется солнце, когда в орде воцаряется голод и мор, змеи и мелкие животные становятся нашей единственной пищей. И мы молим змей не покидать нас; мы чертим на песке контуры Великого змея и кружимся до изнеможения, чтобы стада змей не иссякали...

Не знаю, точно ли так размышлял мой дедовский предок на заре доисторического общества, спускаясь в то утро к ручью и насторожившись, когда, чуть шелестя чешуей, из-под ног его метнулась змея и исчезла в росистой траве. Конечно, мысли его текли не столь гладко, они еще с трудом слагались в его сознании, но то, что они текли именно в таком направлении, можно почти не сомневаться. Можно не сомневаться и в том, что в них переплелись сложные, противоречивые чувства, рожденные его собственным опытом и опытом предшествующих поколений: ужас и преклонение перед чужой непонятной силой, восхищение внешним видом змей и даже признательность.

Таковы истоки двойственного отношения к пресмыкающимся, которое на многие тысячелетия вперед определило место змеи в реальных и ирреальных взаимоотношениях с природой, в верованиях и обрядах. Змей, как и все непонятное, первобытный человек наделял сверхъестественными свойствами еще на самых ранних этапах истории религии, начиная с тотемизма — системы представлений о кровном родстве человеческого коллектива с определенным видом животных и растений. Змеи-тотемы, почитаемые как сверхъестественные предки, известны в верованиях народов на всех континентах. У аборигенов Австралии, например, есть много красочных мифов, в которых рассказывается о змеях — родоначальниках племен. В их честь совершались ритуальные церемонии.

На более поздних этапах истории человечества, в развитых религиозных верованиях процветал культ змей. Он особенно характерен для народов Индостана. Здесь у некоторых этнических групп до последнего времени отмечались «праздники змей», девушки шли с дарами в места их обитания.

И даже тогда, когда в той или иной религии уже складывался пантеон божеств, культ змей не исчезал. Священные животные становились двойниками или спутниками вполне очеловеченного образа божества. В Вавилоне бога Мардука изображали в виде полузмеи-полуптицы; ассирийская богиня Тиамот в мифах порождает чудовищ — змей, ящеров и драконов. В древней Иудее с пресмыкающи-

мися был связан миф о «медном змее», отголоски его есть в Библии. У греков почитался змей-гигант Эрхифонист, сын богини Геи (Земли), а в храме Афины содержались многочисленные змеи, посвященные богине мудрости. В Индии один из триады богов — Вишну изображался возлежащим на Великом змее Шешнаге.

В противоположность индуизму, в верованиях древних народов, населявших оазисы и степи Средней Азии и Ирана, сложилось резко отрицательное отношение к змеям. В I тысячелетии до нашей эры здесь возникла и оформлялась зороастрийская религия, основанная на извечном противоборстве двух начал — доброго, светлого божества Ахура-Мазды (Ормазда) и демона зла Анхра-Майноу (Аримана). Все в природе зороастрийцы относили к одному из начал; соответственно делился и животный мир. С оформлением зороастризма в государственную религию жречество отвергло существовавший когда-то у этих народов культ змей. Пресмыкающиеся, земноводные и многие насекомые были отнесены к нечистой сфере как порождение злого демона Аримана и подлежали уничтожению. Чудовище Ажи-Дахака, ипостась и спутник Аримана, изображался согласно Авесте — священной книге зороастрийцев — в виде змея-дракона, «имевшего три головы, шесть глаз, обладавшего тысячу сил... опасного для мира». В образе мухи являлся к людям оскверняющий их трупный демон Насу. Человек, осквернивший священные стихии — воду и огонь, приравнивался к нечистым насекомым — паукам и саранче, а убивший выдру, почитавшуюся зороастрийцами, обязан был во искупление вины, среди прочих богоугодных дел, истребить десять тысяч змей двух видов, черепах, жаб, лягушек, муравьев, мух и червей.

В VIII—IX столетиях нашей эры зороастризм был вытеснен в Средней Азии пришедшей извне мусульманской религией. Однако следы прежних верований долго еще сохранялись в быту и верованиях народов, принявших ислам¹.

Вполне закономерно, что, оказавшись в «змеином царстве», каковым являются низовья Амударьи и зона пустынь, познакомившись на собственном опыте и опыте моих коллег с миром пресмыкающихся и зловредных насекомых, я стал выяснять, сохранилось ли в сознании местного населения что-либо от прошлого в отношении к этим «порождениям Аримана». Я не упускал случая поговорить на эту тему прежде всего со стариками, чья память — поистине «золотая жила» для этнографов.

Собственно, только представители самого старшего поколения и были источником сведений, ибо лишь в их среде существовал еще интерес к таким верованиям — младшие поколения были к этому равнодушны, за редким исключением.

Мои собеседники-старики дружно утверждали, что, согласно обычаю отцов и дедов, змеи и вредные насекомые подлежат безусловному уничтожению. Видимо, сквозь тысячелетнюю толщу мусульманской религии пробивался и дожил до наших дней закон древней зороастрийской религии. Выяснилось, что интересовавшие меня змеи и насекомые, упомянутые в этом рассказе, искони считались нечистыми — их относили к

¹ Этому вопросу автор уделил немало места в своем исследовании «Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969).

сфере злых духов, резко враждебных людям. Не случайно в виде этих нечистей «покидали» тело больного злые духи, изгоняемые местными шаманами. Старики рассказывали, что раньше были такие парханы (шаманы), которые во время камлания душили голыми руками ядовитых змей. Именно змеи считались особо нечистыми тварями.

Разве не удивительно, что в наши дни старый чабан Мамедкул преподавал мне одно из строжайших правил отношения к огню, выработанных в зороастризме более двух тысяч лет назад? Оно связано со змеями.

Мы сидели с Мамедкулом на берегу одного из протоков Амударьи, где в тугаях паслось стадо. Вечерело. На небольшом костерике в медном кумгане бурлила вода — мы собирались пить чай. Невдалеке в густой траве возлились ребятишки из ближайшего кишлака.

Беседа наша на этот раз вовсе не касалась вопросов верований — Мамедкул с увлечением рассказывал о последних днях Хивинского ханства, о событиях, очевидцем которых ему пришлось быть в ранней юности.

Вдруг на наш костер налетели мальчишки и с торжествующими криками бросили в огонь полудохлую змею. И тут произошло необычайное. Степенный, величавый, всегда выдержанный в стиле «восточных мудрецов» дед вскочил, закричал в гнев на ребят, спешно отбросил в сторону змеиный труп и долго еще, постепенно остывая, бормотал какие-то страшные проклятия. Потом он объяснил мне: чуть было не произошло святотатство — бросить столь нечистое животное, как змея, в огонь, значит, осквернить священную стихию. Удивительно было видеть в поведении мусульманина такой явный пережиток зороастризма — религии, которая по основному объекту культа именовалась еще огнепоклонничеством.

Традиции, однако, сохранили до наших дней остатки еще более ранних форм религии. Моя престарелая приятельница Дильбар-момо когда-то отчитала меня за то, что я ненароком чуть не разогнал духов-покровителей, столпившихся за ее спиной, когда она разделявала тесто на лепешки. Она также просветила меня в отношении еще одного правила старинного семейного этикета, куда более древнего, чем зороастризм.

На этот раз лепешки были уже готовы и я, сидя на террасе, вдыхал их аромат в предвкушении утреннего завтрака. Старушка в комнате возилась с посудой. Вдруг я услышал, что Дильбар-момо что-то говорит, кого-то в чем-то настойчиво убеждает. В доме, кроме нас, никого не было, я забеспокоился и пошел поглядеть, в чем дело. Войдя в комнату, увидел исчезающий под грудой одеял солидный змеиный хвост и мою старушку с пиалой в руках. Она ласково уговаривала змею: «Покушай же молочка, джаным (душа моя)! Не упрямясь!»

За завтраком я получил объяснение этому происшествию. Оказывается, не все змеи подлежат уничтожению как существа нечистые. Есть исключение — домашняя или, как ее здесь называют, белая змея (что это за вид — я так и не узнал; думаю, какая-нибудь безобидная родственница моего шахсенемского желтопуза). Вот эту змею, разъясняла Дильбар-момо, надо почитать и всячески улаживать: известно, что в ее образе вас может навестить дух вашего прадедушки или еще более отда-

ленного предка. Белой змее надо предложить молока или насыпать ей на голову щепотку муки.

Какую же бездну информации хранит в себе этот незатейливый ритуал, донося ее из глубин истории религиозного сознания; здесь и культ животных, и культ предков, и даже далекий отзвук тотемистических представлений.

Совсем недавно от одного старика, гостя из Хорезма, я узнал, что в Хива, когда она была столицей ханства, белые змеи жили, так сказать, на домашнем положении в домах горожан и отлично ладили с хозяевами. Но белая змея, повторяю, исключение, ко всем иным видам змей у местных жителей отношение крайне отрицательное.

В разных местах Средней Азии, преимущественно в городах, я встречал на улицах пяти-, шестилетних ребятишек, важно шествовавших в халатиках с изображением змеи или дракона на спине. Заботливые мамы вышивали яркими нитками этот оберег от злых духов, и мне разъяснили: когда духи видят такое изображение, они признают в том, кто его носит, «своего» и не причиняют ему вреда.

Злые духи в обличье змей, лягушек, ящериц, насекомых постоянно встречаются в легендах народов Средней Азии. В одной из них, например, говорится, что крамольные, вредные мысли популярного в Хорезме святого Саид-ата вылетали из его уст в виде ящериц, змей и черепах, когда учитель (пир) Зенги-ата ударял его по плечам, дабы наставить на путь истинный. Но, пожалуй, чаще всего в среднеазиатских легендах фигурирует змей-дракон аждархо — чудовище с огнедышащей пастью (иногда о трех головах), с длинным чешуйчатым хвостом и светящимися глазами. Аждархо живет в подземельях, где стережет несметные богатства, а выходя на свет божий, покоряет города и целые народы, требует в жертву себе девушек и юношей. Конечно, всегда находится благородный герой, который убивает дракона и спасает людей от его пагубной власти. Такой драконоборец запечатлен, например, на фреске, обнаруженной при раскопках Панджикента (VII в. н. э.). Подобный подвиг, согласно популярной в Хорезме легенде, совершил и некий юноша, спавший от чудовища ханскую дочь.

В горах и на равнинах, в пустынях и на развалинах древних крепостей мне часто показывали «следы» змеи-дракона, можно

Ацтекское изображение змея, луны и богини луны Тласольтеотль.

подумать, что ими испещрена вся территория края. Кстати, один такой след в пустыне на поверку оказался древним пересохшим каналом. Нетрудно догадаться, каков источник этого поверья — все тот же зороастризм: у огнепоклонников злая сила была воплощена в змее-драконе Ажи-Дахака.

Ислам не смог полностью искоренить древние верования и постарался приспособить их к себе. Так он воспринял этот демонологический образ, даже имя его осталось — Ажи-Дахака — аждархо, или аждахо. А роль драконоборцев была теперь поручена мусульманским святым — четвертому халифу Али, чудотворцу Клыч Бурханэддину и другим персонажам мусульманской агиографии.

Однако в народных верованиях образ змеи-дракона аждархо продолжал бытовать в Средней Азии вне официального ислама. Так, у горных таджиков еще в начале нашего столетия существовало поверье, что в ущельях, по берегам речек бродят аждархо (здесь их называют аждахоры) — огромные змеи со страшной пастью, извергающей огонь; все они — слуги змеиного царя Шохи-моро, живущего во дворце на вершине горы. Я заглядывал в пещеры и в промоины, оттуда, как меня уверяли местные жители, в лунные ночи, шелеста чешуей, аждахоры выплывают на поверхность земли. Однако сейчас есть основания считать, что время драконов миновало — образ аждархо окончательно перекочевал на страницы сказок.

Удивительно, сколь глобально во всех концах земли распространен миф о драконах, требующих человеческих жертв. В свое время я высказывал робкое предположение о причинах появления этого мифа: возможно, коллективная память человечества сохранила смутные представления о реликтовых ящерах, с которыми человек мог столкнуться во времена глубокой первобытности. Предположение, увы, недоказуемое. Но если

мы вспомним, что даже в наш космический век наука не может дать резко отрицательного ответа по поводу возможного существования реликтовых особей типа шотландской Нэсси, якутского «черта» или гигантского змея, притаившегося якобы в одном из озер Канады, то встреча первобытного человека с отдельными уцелевшими еще в его времена особями фауны, вымершей в основном за много тысячелетий до этого, не кажется столь уж невероятной.

Может быть, среднеазиатский аждархо не змеиной, а какой-то другой природы? Нет, безусловно, змеиной. Это подтверждается еще одним поверьем, которое бытовало у народов Средней Азии. Прежде здесь верили, что если змея семь лет не слышит человеческого голоса, она превращается в дракона аждархо; если 14 лет, то становится чудовищем ювха, а если 21 — женщиной, то есть оборотнем в женском облике.

В низовьях Амударьи, в кишлаке около Гурлена, я услышал от столетнего Мадамина-бобо колоритную легенду на эту тему. Вот ее краткое содержание в прозаическом изложении, без всяких восточных украшательства, которых было множество в этом рассказе.

...Один хорезмский падишах был на охоте и встретил девушку необычайной красоты. Он пленился ею, привез в свой дворец, сделал законной супругой и усадил рядом с собой на троне. Сначала царица вела себя прилично, но с некоторых пор падишах стал замечать за нею странное. Началось с того, что хум², который с вечера заполняли водой, находили утром пустым — оказалось, что воду за ночь выпивала царица. Как это принято в восточных сказках, падишах обратился за советом к своему визирию. Тот порекомендовал осторожно проверить, насколько горячо сердце царицы. Падишах последовал совету, и выяснилось, что сердце молодой супруги холодно, как лед. После этого началось нечто несусветное: царица

Медуза-Горгона — в греческой мифологии одна из трех мифологических чудовищ-сестер со змеями вместо волос, змеями подпоясана. Согласно мифу, все живое взором превращает в камень. Часть скульптурной композиции на фронтоне храма Артемиды на о. Керкира (около 590 г. до н. э.).

по ночам стала исчезать из дворца. Слежка установила, что на ночных улицах молодая супруга падишаха принимает облик громадной змеи и лакомится запоздалыми гуляками. Сомнений не оставалось, от царицы надо было поскорее избавиться. По совету того же визирия падишах отправился на охоту в сопровождении двора, свиты и гарема. Отдельно везли молодую царицу, а рядом с ней на арбах — известь и воду в огромных хумах. Путь был длинный, донимала жара, и царица проголодалась. После неудачных попыток проглотить кое-кого из почтенных министров двора, царица накинулась на известь и воду. Это ее и погубило — она разбухла и на глазах у всех превращалась в огромного дракона. Царский кортеж не достиг еще Амударьи, когда царица — теперь уже змея-дракон — сползла с арбы и скрылась под землю. Случилось это в месте, которое в память об этом событии и сегодня называется Илон-гыр — «змеиная возвышенность».

Такова легенда о царице-змее. В ней, конечно, содержится урок легкомысленным падишам Востока. Но для нас интересно выразившееся здесь отношение к змее.

Пустыня... Это слово должно обозначать место, где ничего нет. Но пустыня наших дней все менее и менее соответствует такому определению. Огрызаясь пыльными бурями, отступает она перед людьми. Там, где ветер еще недавно переваливал по засохшим такырам песчаные барханы, теперь зеленеет хлопок. Вслед за амударьинской водой тянутся в глубину

Каракумов и Кызылкумов поселения. Сотни дорог изборождали лик пустыни, по ним движутся вооруженные мощной техникой люди — геодезисты, геологи, буровики, археологи. И все они не минуют соприкосновения с представителями пустынной фауны, встречающимися здесь повсеместно, хотя фаланги предпочитают селиться в зарослях саксаула и тамариска, каракурты — там, где пески переходят в степь, а скорпионы любят развалины городищ и крепостей. Ну, а появления змей можно ожидать везде — и в песках, и в культурной зоне.

Люди привыкают к ним, но нельзя забывать, что яд змеи убивает, как и яд каракурта. Все эти и им подобные «создания Аримана» требуют осторожности даже от тех, кто сумел преодолеть в себе «антизмеинный рефлекс». А я в этом навсегда останусь убежденным «зороастрийцем». Ни голос пещерного предка, который, хотя и испытывал ужас перед змеей, но и поклонялся ей — за красоту и приносимую пользу, ни разумные доводы современника не могут заставить меня полюбить этих тварей. Даже когда вижу, как в «Мире животных» на телевизионный экран вползает, извиваясь, скользкая, блестящая змеища, любовно обыгранная оператором, я моментально переключаю телевизор на другую программу.

² Большой сосуд для воды.

Богиня со змеями. Фаянсовая статуэтка из сокровищницы Кносского дворца (XVIII—XVII вв. до н. э.). Хранится в Гераклионском музее.

